

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47)(035.3)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3-209-223

**ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ОПЫТЕ
ИНКОРПОРАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВУЮ
СИСТЕМУ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА¹****А.Х. АБАЗОВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»,
сектор средневековой и новой истории
360000, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: alex_abazov@list.ru*

Аннотация. В работе представлен анализ коллективной монографии под редакцией доктора исторических наук В.В. Трепавлова «Этнические элиты в национальной политике России» (М.; СПб., 2018), подготовленную в институте Российской истории Российской академии наук. Разделы работы (Чингисиды в Московском государстве; Элиты Северного Кавказа: владетели и правители; Этнические элиты Закавказья в имперской политике России; Политическая элита Малороссии; Молдавская элита России; Остзейцы под эгидой Романовых; Этнические элиты в союзных республиках СССР) объединены общим объектом исследования. Это представители «нерусских» народов, занимавшие высшие места в социальной структуре своих регионов и участвовали в управлении ими в дореволюционный период, а также – включаемые в состав верховных государственных органов власти в советское время. В рецензируемой работе показано, что национальная политика дореволюционной России и СССР в большинстве национальных окраин характеризовалась преемственностью форм и методов привлечения местных элит. В качестве основных каналов социальной мобильности в условиях включения в политико-правовое пространство полиэтничного государства для них служили: установление российских административных и судебных органов на присоединяемых территориях и служба в них представителей местных привилегированных сословий, а также – нормативное регулирование властями их социально-правового статуса. В полном объеме эти формы и методы инкорпорации региональных этнических элит в систему власти российского государства реализовались в советский период.

Ключевые слова: элитология; этнические элиты; национальная политика; многонациональное государство; социальный статус; Российская империя; СССР

---

¹ Этнические элиты в национальной политике России [Текст] / отв. ред. В.В. Трепавлов; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 477, [3] с. ISBN 978-5-5-98712-781-0

FUNDAMENTAL WORK ON THE HISTORICAL EXPERIENCE OF INCORPORATION OF NON-RUSSIAN ELITES INTO THE POLITICAL AND LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN STATE¹

A.H. ABAZOV

*The institute of humanitarian researches – filial of Federal public budgetary scientific institution
"Federal scientific center "Kabardin-Balkar Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences",
the sector of a medieval and modern history
360000, Kabardin-Balkar Republic, Nalchik, Pushkin St. 18
E-mail: alex_abazov@list.ru*

Abstract. This publication presents the review of the collective monograph under editorship of the doctor of historical sciences V.V. Trepavlov "Ethnic elites in the national policies of Russia" (M., SPb., 2018) prepared at the institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences. The book consists of seven chapters: Genghis Khan descendants in the Moscow state; Elites of the North Caucasus: lords and rulers; Ethnic elites of Transcaucasia in imperial policy of Russia; Political elite of Little Russia; Moldavian elite of Russia; Baltics under the auspices of Romanovs; Ethnic elites in the union republics of the USSR. The general object of a research unites them, which are the representatives of the "non-Russian" peoples that were holding the highest places in social structure of respective regions and participating in the government of them during the pre-revolutionary period or were included in the structure of the highest public authorities in the Soviet period. It is revealed in the work under review that the national policies of pre-revolutionary and soviet Russia in the majority of state's national fringes were characterized by continuity of forms and methods of attracting local elites. In the course of inclusion of the region into the political and legal space of the multiethnic state the Russian administrative and judicial authorities were established in its territory and the representatives of local ruling estates were lent the opportunity to hold office in them. Legal regulation of ethnic elites' social status within the new social and political milieu served as another standard mechanism of their social mobility. An array of forms and methods of incorporating regional ethnic elites into the Russian state's power system were realized in full scale in the soviet period.

Key words: elite studies; ethnic elite; national policy; multinational state; social status; Russian empire; USSR.

Рецензируемая работа продолжает серию фундаментальных исследований по истории Российского многонационального государства, общества, цивилизации, подготовленных в Центре истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН, подготовленных под руководством В.В. Трепавлова [Национальные окраины 1998; Российская многонациональная 2003; Образы регионов 2011]. В то же время она демонстрирует знаменательный поворот к большей междисциплинарности, поскольку выводит читателя к общим вопросам изучения элит. В настоящее время наблюдается повышение научного и

---

¹ Etnicheskie elity v natsional'noi politike Rossii [Ethnic elites in the national policies of Russia] / otv. red. V.V. Trepavlov; In-t ros. istorii Ros. akad. nauk . – M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017. – 477, [3] s.

общественного интереса к элитологии, как науке об элитном слое в системе социально-политической стратификации населения страны, региона и т.п. Это связано не только с важностью повышения качества управленческой деятельности в политической системе общества как таковой, но и с тем, что при различных политических режимах судьбы миллионов людей (большинства) во многом зависят от решений, принимаемых правящим (элитарным) меньшинством. Такой подход позволяет определить предмет элитологии, как науки. Среди основных вопросов, которые характеризуют ее предмет, следующие: является ли привилегия элитарного меньшинства в принятии политических решений объективной закономерностью социального развития? Как формируются элиты? Как они приходят к власти? Как впоследствии регрессируют и уходят с исторической сцены? Каковы механизмы трансформации и смены элит?

Рассматриваемая монография вносит значительный вклад в решение основных проблем элитологии на конкретном историческом материале. Она состоит из введения, семи глав, заключения, приложения, указателя имен и указателя географических названий. Коллектив авторов составили: к.и.н. А.В. Беляков (Глава 1. Чингисиды в Московском государстве), к.и.н. Л.С. Гатагова (Глава 2. Элиты Северного Кавказа: владетели и правители), к.и.н. Дж.Я. Рахаев (Глава 3. Этнические элиты Закавказья в имперской политике России), к.и.н. А.В. Марчуков (Глава 4. Политическая элита Малороссии), д.и.н. В.Я. Гросул (Глава 5. Молдавская элита России), д.и.н. Э.В. Федосова (Глава 6. Остзейцы под эгидой Романовых), к.и.н. К.С. Дроздов, д.и.н. Д.А. Аманжолова, д.и.н. В.В. Трепавлов (Глава 7. Этнические элиты в союзных республиках СССР).

Объектом исследования выступают представители «нерусских народов, которые, во-первых, занимали высшие места в социальной иерархии своих этнических регионов и участвовали в управлении ими; во-вторых, рекрутировались в состав верховных государственных административных инстанций и генералитета» (С. 9). Данный объект в монографии рассматривается в широкой хронологии (привлечены материалы с XV по конец XX в.) в границах различных регионов (Поволжье, Северный и Южный Кавказ, Восточная Европа), которые на определенных этапах исторического процесса становились национальными окраинами Российской империи или СССР.

Во введении дано определение понятия «элитология», обозначены подходы к пониманию механизмов формирования элитного слоя, выявлены основные маркеры политической элиты, как функционально объединенной группы лиц и институтов. Для достижения цели исследования авторам глав монографии было предложено: «1) описать состав и статус правящих слоев до присоединения соответствующих регионов к России; 2) проследить процесс этого присоединения и роль в нем местных элит; 3) обозначить государственные законодательные акты (если они были) относительно этого слоя подданных и его юридическое оформление; 4) определить ритуально-символическое иллюстрирование статуса этнических элит (титуты, должности, почетные звания, награды и т.п.); 5) изучить участие местных элит в

региональном управлении; 6) выяснить отношения новых элит с высшей государственной властью, установить степень их зависимости от правительственного Центра и характер взаимосвязей с ним, определить структуру и степень интегрированности элит; 7) выявить источники, критерии и механизмы их рекрутирования (пополнения); 8) проиллюстрировать свои наблюдения очерками о некоторых ярких деятелях в составе высшей государственной и военной элиты России (в Приложении)» (С. 12). Основной задачей исследования является выявление особенностей адаптации новых политических образований к российской действительности, которая сопровождалась включением этнических элит в общий корпус российской элиты, в том числе в ее высший слой – дворянство.

Первая глава монографии посвящена чингисидам в Московском государстве XV–XVII вв. В главе рассматриваются такие аспекты проблемы как «выезды» чингисидов; случаи их крещения; браки служилых чингисидов в России; придворные службы, которые они несли; материальное содержание и статус чингисидов в России.

Автор дифференцировал чингисидов по происхождению и географическому признаку на ордынских, казанских, астраханских, Гиреев (крымских), сибирских шибанидов (в том числе Кучумовичей), хивинских (ургенчских) и казахских. В рамках исследуемого периода он выделил 2 этапа трансформации статуса чингисидов в России – до и после падения Большой Орды. На втором этапе в великом князе (царе) виделся уже не данник, а «жалостливый государь» или влиятельный посредник, который «может навести порядок в деле престолонаследия и распределения мест кочевков» (С. 55). Анализируя институт выездов чингисидов в Россию, автор выделяет, в качестве основных каналов их социальной мобильности в новых политико-правовых реалиях, смену некоторыми из них религиозной идентичности, межэтнические браки, придворную службу и материальное содержание за счет российской казны.

Автор рассматривает принятие другой веры в качестве одного из значимых социальных лифтов в первой половине XVI в. Вместе с тем, им установлено, что значительная группа чингисидов в России сохраняла ислам (С. 34) и на рубеже XVI–XVII вв. не произошло окончательного разделения крещенных и некрещенных чингисидов (которые по-прежнему являлись составной частью некой обособленной группы, где главным мерилom было их происхождение). Также несмотря на то, что некоторые чингисиды, благодаря заключению брачных союзов, становились даже «претендентами на российский престол» (Петр Ибрагимович, Симеон Бекбулатович), брак – по оценке автора главы – вряд ли может рассматриваться как канал коллективной социальной мобильности.

Другим не менее важным маркером социально-политического статуса чингисидов и гарантией их безопасности в России являлись своеобразные «приглашения» великого князя («крепкие» или «крепостные» грамоты, которые в начале XVI в. заменялись «опасными» грамотами). Со временем эти документы пополнялись целым рядом новых позиций: указывали на

конкретную форму материального содержания адресата, включали перечни лиц, которые вправе выехать в страну вместе с приглашаемым, в некоторых случаях устанавливали запреты на самостоятельную внешнеполитическую деятельность и т.п. Полагаем, что с учетом уровня развития нормативно-правовой системы российского государства в то время, эти грамоты вполне могут восприниматься в качестве механизма документального оформления социально-политического статуса чингисидов в России.

К середине XVI в. все это привело к постепенному складыванию внутренней иерархии служилых чингисидов в России. Основными атрибутами, определявшими их статус в этой иерархии, были:

- наличие или отсутствие ханского/царского титула, старшинства в роде;
- территория, с которой чингисид получал доход;
- наличие и размеры военного отряда;
- назначение воеводами полков действующей армии и т.п.

Автор главы обращает особое внимание на то, что «во второй половине XVI в. статус служилых Чингисидов приблизительно сравнился со статусом знатных выходцев из Западной Европы» (С. 56). Но в это время их еще нельзя полностью отождествлять с русскими служилыми князьями конца XVI в. Окончательное же завершение инкорпорации чингисидов в структуру российского дворянства произошло в 1718 г. после замены титула «царевич» на титул «князь».

Таким образом, основным критерием, подтверждающим привилегированный статус чингисидов в структуре российского нобилитета, являлось именно их знатное происхождение. Сам же статус во многом базировался на актах инициации и путем закрепления их статуса в нормативно-правовых документах.

Вторая глава «Элиты Северного Кавказа: владельцы и правители» подготовлена Л.С. Гатаговой. В качестве основных разделов главы она выделяет «Высшие сословия в социальном пространстве региона», «От покровительства к имперскому партенализму», «Попытки институционализации сословий кавказской знати», «Традиционная знать в ритуально-символической практике государства», «Лучшие фамилии в местных институтах власти», «Верховная власть и кавказские нобили: точки сближения и факторы разногласий», «На службе Империи».

Значительную часть главы автор отводит для рассмотрения основных ресурсов власти в традиционных северокавказских обществах до начала российского влияния. В их числе она выделяет: *доход* (богатство, прежде всего распоряжение земельными угодьями как основным фактором производства в традиционном обществе и значительное количество скота), *власть* (инструменты управления, в том числе: суд, руководство военными подразделениями во время походов, выполнение культовых действий) и *престиж* (моральный авторитет). В числе основных маркеров социально-политического статуса местной элиты в книге рассмотрены: численность подвластного населения, отношения собственности (прежде всего, на землю, как основной фактор производства в традиционном аграрном обществе),

историческая память («набор легенд, легитимирующих их претензии на социальное лидерство», подчеркивающих древность происхождения и привилегированность рода).

Начало установления дипломатических связей представителей северокавказской этнической элиты с Москвой автор относит к 1552 г. (посольство западноадыгских князей в Москву). Характеризуя заключение «шертных союзов» и принятие присяг на верноподданство в исторической ретроспективе, автор отмечает «зыбкость» представлений обеих сторон о подданстве, покровительстве, сюзеренитете и т.п.

В этой части исследования подробно охарактеризован социально-политический статус северокавказской этнической элиты в структуре российского государства (прежде всего князей Черкасских – Дмитрия Мамстрюковича, Якова Куденетовича, Ивана Борисовича и др.). По отношению же к традиционной кавказской знати в качестве основных направлений ритуально-символической практики государства автор главы изучил тактику «щедрых» и «символических» наград, материальных подношений, начисление регулярного жалования и т.п. Однако следует учитывать, что это относилось лишь к пророссийски ориентированной части регионального нобилитета, и было исключено в отношении представителей контрэлиты.

Интеграция северокавказской элиты в российское политико-правовое пространство в последней трети XVIII – первых десятилетиях XIX в. рассматривается на фоне отношений России, Турции и Ирана и их геополитических интересов в отношении Кавказа (Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г., Гюлистанский мирный договор 1813 г., Адрианопольский мирный договор 1829 г. и т.п.). При этом, характеризуя участие местных элит в региональном управлении, Л.С. Гатагова связывает ее начало с прибытием на Кавказ А.П. Ермолова, все действия которого, «направленные на создание приемлемой для региона системы управления, свидетельствовали о том, что ставка делается на привилегированные слои кавказского населения» (С. 93). Кроме того, она отмечает, что «Ермолов одним из первых начал привлекать представителей мусульманского духовенства к сотрудничеству в создаваемых им институтах» (С. 93). Вероятно, здесь имеется в виду создание судов (в частности, Кабардино-Временного суда), в составе которых предусматривались должности муллы для ведения делопроизводства и разбора духовных дел. Здесь можно уточнить, что такая практика сложилась еще в конце XVIII в. при И.В. Гудовиче, когда были учреждены Верхний пограничный суд в Моздоке и родовые суды и расправы в Большой и Малой Кабарде, и представители мусульманского духовенства служили в этих судах на судейских и делопроизводственных должностях.

Автор главы справедливо считает, что после Кавказской войны (1864) так и не состоялась институционализация сословий северокавказского нобилитета на основе принятия императорских указов об их внесении в родословные книги российского дворянства, как это было на других российских окраинах в то время. Несмотря на масштабную деятельность сословно-поземельных комиссий

на Центральном и Северо-Западном Кавказе во второй половине 40-х – 80-х гг. XIX в., сословный вопрос здесь остался нерешенным вплоть до 1917 г.

В целом, автору главы удалось проиллюстрировать основные тенденции трансформации социально-политического статуса традиционного северокавказского нобилитета под влиянием социально-экономических и политических факторов в XVI – начале XX в. Характерно, что находившиеся на российской службе уроженцы северокавказского региона и их потомки обладали всеми привилегиями российского дворянства и занимали высшие должности в военных и гражданских структурах. Но основные массы пророссийски ориентированной социальной прослойки местного населения, вовлеченной в интеграционные процессы последней трети XVIII – первой половины XIX в., нормативной институционализации в системе российского дворянства не удосужились. Основной формой закрепления их статуса стала ритуально-символическая атрибутика (должности в системе регионального управления, жалованье от государства, военные чины, награды и т.п.).

В третьей главе рассматривается роль этнических элит Южного Кавказа в имперской политике России. Глава состоит из следующих разделов: «Этнические элиты Западного Закавказья в восточной политике России в первой половине XIX в.» (Картли-Кахетинское и Имеретинское царства, Гурийское, Мегрельское и Абхазское княжества), «Этнические элиты Восточного Закавказья в восточной политике России в первой половине XIX в.» (Гянджинское, Карабахское, Бакинское, Кубинско-Дербентское, Ширванское и Талышское ханства).

Автор главы подробно характеризует состав и структуру правящих слоев Картли-Кахетинского царства, институт престолонаследия в конце XVIII в., ключевые вехи истории включения Грузии в состав России в начале XIX в. основные векторы интеграции представителей грузинских привилегированных сословий в административно-политическую систему России в первой половине XIX в. В том же ключе характеризуются аналогичные процессы в Имеретинском царстве, Гурийском, Мегрельском и Абхазском княжествах. Справедливым представляется вывод автора о том, что «грузинские элиты, став неотъемлемой частью российского имперского проекта первой половины XIX в., сумели вырваться из исторического тупика конца XVIII в., преодолеть замкнутость средневековых политий и, в конечном счете, перейти к формированию качественно иной идентичности – национальной» (С. 135).

При этом, генеральная линия коллективной монографии в главе выдерживается через характеристику механизмов учреждения российских судебных и административных органов в различных областях южнокавказского региона и «встраивания» в эту модель представителей привилегированных сословий местного населения. Таким образом, в качестве основных путей включения южнокавказской знати в политико-правовое пространство Российской империи в третьей главе коллективной монографии выступают: 1) привлечение местной элиты на гражданскую и военную службу империи, 2) наделение детей из знатных семей правом поступления в российские престижные для того времени военные учебные заведения, 3) принятие Россией

нормативных актов, регламентировавших признание равенства местного нобилитета с княжеским или дворянским сословием России и т.п.

Четвертая глава монографии посвящена политической элите Малороссии. В ее состав вошли следующие разделы: «Политическая элита региона до присоединения к России», «Присоединение к России», «Старшина: структура, состав, настроения», «XVIII в.: диалог элит и судьбы автономии», «Малороссийское дворянство: статус, облик, служение (конец XVIII – начало XX в.)». Определяя типологическое сходство российской и малороссийской элит, автор главы выявляет ряд существенных экзогенных факторов формирования последней: реформация в западной Европе и контрреформация, межконфессиональные войны, влияние польско-литовского католического государства, польских социальных институтов, культурных норм и образцов поведения.

Описывая историко-политическую ситуацию, на фоне которой происходило включение малороссийской элиты в политико-правовое пространство России, автор подробно рассматривает историю взаимоотношений между Московским царством и Польшей по поводу определения статуса гетманства, характеризует механизмы смены власти после смерти Б. Хмельницкого в 1657 г., последствия Гадячского трактата 16 сентября 1658 г., управленческий курс нового гетмана и т.п. В качестве одного из важных последствий заключения этого трактата в монографии расценивается установление круга обязанностей воевод после перехода к Москве части территории гетманства. Так, должность гетмана стала выборной, и Москва предложила вносить уточнения в процедуру его выборов. Так же в этой части монографии подробно рассмотрена деятельность московского правительства по сохранению части прав за казачьим нобилитетом и его роль в новой административно-судебной системе региона.

Далее статус региональной элиты рассматривается в исторической ретроспективе под влиянием ряда факторов: стабилизация политической ситуации в гетманстве в 70-е гг. XVII в., ее состояние в 80–90-е гг. XVII в., политика гетмана Мазепы в условиях интеграции гетманства в состав России, раскол гетманской элиты в условиях Северной войны в первой четверти XVIII в. и т.п. Другими важными факторами трансформации статуса гетманской элиты в XVIII в. были: осознание российскими властями необходимости ограничения автономии гетманства и передача власти в крае российской администрации; противостояние «сторонников» и «оппонентов» автономии вплоть до упразднения института гетманства 10 ноября 1764 г.; стремление гетманской элиты к распространению на них «Табели о рангах» (1722) и формирование альтернативной иерархии внутри гетманства и т.п. Тем не менее, одним из основных социальных лифтов для этой части населения по-прежнему оставалась военная служба казачества в российской армии.

Другими каналами социальной мобильности для гетманской старшины на пути к нобилитации (подтверждения монархами их принадлежности к благородному сословию или предоставление такого правового статуса) через получение жалованных грамот Московского государя на дворянство (в 1665 г.

боярский чин получил гетман И. Брюховецкий, в 1667 г. грамоту на дворянство – полковник Я. Лизогуб и т.п.). Однако, как справедливо утверждает автор главы, нобилитированный практически не имел возможности воспользоваться своим вновь приобретенным статусом внутри гетманства. Такая возможность появлялась лишь после их выездов в центральные части Московского государства.

Следующий этап интеграции правящих кругов гетманства в российское привилегированное сословие и политическую элиту соотносится с реформами 70-х – 80-х гг. XVIII в. В их числе: административная реформа 1775 г. (введение в действие «Учреждения о губерниях»), реформирование казачьей военной службы в 1783 г. и т.п. Окончательно же инкорпорацию гетманства в состав России, а ее региональной элиты – в элиту российскую автор связывает с деятельностью Павла I и Александра I. Как показывают материалы главы, в это время появились новые каналы социальной мобильности – перемещение региональной элиты в столицы, покровительство или родство с российскими влиятельными высокопоставленными сановниками и т.п.

Как и на других национальных окраинах Российской империи того времени, основным механизмом признания социально-политических привилегий гетманской старшины в политико-правовой системе России было закрепление их статуса в монарших манифестах, грамотах и указах. Однако, материалы этой части монографии показывают, что такой механизм нобилитации имел и обратный эффект в форме «дворянской лихорадки» (которая выражалась в фальсификации или фабрикации доказательств претендентами на привилегированный статус).

Пятая глава посвящена молдавской элите дореволюционной России. Структурные элементы в главе не выделены, но в ней приводятся сведения об основных этапах развития государственности Молдавии и привилегиях политической элиты общества в разных исторических условиях.

Сопоставительный анализ содержания данной главы рецензируемой монографии с другими главами показывает, что этот фактор не являлся доминирующим при выстраивании отношений России с элитами других территориально-политических образований. Характеризуя динамику взаимоотношений Молдавского княжества с Московским царством в XV–XVI вв., автор главы акцентирует внимание на том, что переселение молдаван в Россию было в то время нередким явлением. В XVII в. число переселявшихся в Москву знатных молдаван стало увеличиваться, что в свою очередь активизировало и процессы их интеграции в состав российского дворянства. Отдельное внимание автор уделяет рассмотрению роли молдавского господара Дмитрия Кантемира и его близких родственников в сближении России и Молдовы, его участию в военных операциях России, вкладу в развитие духовной культуры и т.п.

Русско-молдавские связи стали более интенсивными после вхождения некоторых молдавских территорий в состав России по итогам Ясского (1791) и Бухарестского (1812) мирных договоров. С переходом в российское подданство и оформлением политико-правового статуса Бессарабской области (губернии)

как самостоятельного административно-территориального образования в составе Российской империи для молдавской элиты были открыты новые возможности официального закрепления своего статуса.

Таким образом, к числу основных социальных лифтов знатных молдаван в политико-правовой системе России с конца XVI в. относились военная служба. Тем более, что территория Молдавии часто становилась театром военных действий. Молдаване и в XIX – начале XX в. принимали участие в войнах на стороне России на разных фронтах – Кавказском, Крымском, Дунайском, Польском и т.п., а также – Первой мировой войны. Другим каналом их мобильности была гражданская служба в российских госучреждениях. Молдаване получали в них высокие должности, а в начале XX в. имели представительство в Государственной Думе. Не менее значимым социальным лифтом были межэтнические браки молдаван с представителями других этнических групп в России. В числе других механизмов закрепления привилегированного статуса молдавской элиты в России в главе охарактеризованы стремительная урбанизация Кишинева и политика русификации Бессарабии в XIX в. Однако доминирующим способом закрепления привилегированного статуса в новой социально-политической системе была все же нобилитация молдавской элиты в России через наделение их в 1818 г. правами российского дворянства, создание бессарабского дворянского собрания и начало составления родословных книг.

Шестая глава монографии под названием «Остзейцы под эгидой Романовых» посвящена представителям немецких привилегированных сословий, как элиты по отношению к подвластным российскому самодержавию латышским и эстонским крестьянам (Лифляндии, Курляндии и Эстляндии). В свою очередь, Россия признавала привилегированный статус остзейцев, включая их в состав российского дворянства. Глава состоит из следующих разделов: «Немецкая элита Прибалтики до Северной войны», «Остзейцы в Российской империи XVIII в.», «Законодательное оформление статуса остзейцев в империи», «Центральное и местное управление», «Немецко-русское правительство», «Остзейский комитет», «Остзейцы в составе имперской элиты», «Остзейский вопрос в общественном мнении России XIX в.».

Специфика сложившейся к концу XVIII – началу XIX в. системы управления в Прибалтике выражалась в том, что власть в местных выборных учреждениях была сосредоточена в руках немецкого дворянства. Государственные учреждения представляли собой сословные организации. Латыши и эстонцы не принимали участия в управлении.

Получая выход к Балтийскому морю в начале XVIII в., российская власть столкнулась с необходимостью вступления в партнерские отношения с местной остзейской знатью. Для этого был принят ряд нормативных актов, закреплявших сословные привилегии за немцами. Среди них: наделение Россией остзейской знати монопольными правами на землю и крепостных после 1710 г.; а также свобода вероисповедания и сохранение немецкого языка в делопроизводстве государственных учреждений (вплоть до конца XVIII в.).

Значительную роль в признании в России привилегированного статуса остзейцев сыграли их профессиональные навыки и личные качества, позволявшие удовлетворить целый ряд российских гуманитарных потребностей. Начиная с XVIII в. прибалтийскую знать воспринимали как европейских специалистов – учителей русских дворян и образцовых организаторов крепостного хозяйства, достойных подражания. Также они приравнялись к русским дворянам на военной и гражданской службе.

Но все же основу нобилитации остзейцев в империи составляли нормативные акты, в которых были закреплены их основные привилегии. Несомненным достоинством данной части работы является то, что автор дифференцировал весь правовой массив, содержащий привилегии остзейцев, на несколько неодинаковых по своему значению групп. К первой относятся универсалы или мандаты – воззвания ко всему населению (особенно к горожанам и рыцарству) с целью облегчить покорение края. Этот вид нормативных актов имеет много схожего с прокламациями российских генералов к народам Северного Кавказа в период Кавказской войны. Ко второй – капитуляции, содержавшие положения о социально-политическом статусе остзейцев. К третьей – «аккордные пункты» правовых актов, которые представляли собой договоры представителей отдельных остзейских сословий с русским военным командованием по случаю их перехода в российское подданство. Четвертую группу составляют жалованные грамоты Петра I. Наконец, в отдельную пятую группу выделяется международно-правовой акт – Ништадтский мирный договор 30 августа 1721 г.

К началу 20-х гг. XVIII в. в Петербурге образовалась достаточно крупная немецкая колония, к которой присоединились и немецкие бароны. Однако особенностью их статуса в это время было то, что никто из них еще не мог влиять на государственные дела. В последующем при дворе Екатерины I стали появляться влиятельные немцы, получавшие российские титулы (например, граф Р. Левенвольде). Однако в итоге переворота 25 ноября 1741 г. немцев при российском дворе почти не осталось.

В XIX в. статус Остзейского края в общественном мнении формировал полярные образы. С одной стороны, российская элита склонялась к скорейшему завершению интеграционных процессов, высказывались мнения об ограничении остзейской автономии, вырабатывалась отрицательное отношение к чрезмерному стремлению остзейцев попасть во власть, видя опасность для государства в существовании закрытой остзейской элиты с собственной корпоративной этикой. С другой – остзейская знать стремилась добиться еще больших привилегий, политического обособления и укрепления автономии.

В целом, на основе анализа данных этой части монографии можно выявить сходные с другими регионами аспекты нобилитации местной элиты в новых политических условиях – поступление на российскую гражданскую или военную службу, участие в управлении собственным регионом, закрепление статуса и социальных привилегий в нормативных актах.

В седьмой главе под названием «Этнические элиты в союзных республиках» выделены основные этапы формирования региональных элит в

1917–1991 гг., описывается характер их взаимодействия с союзным руководящим центром, выявлены источники, критерии и механизмы их рекрутирования. Основные структурные части главы: «Партия и государство в управлении национальными регионами», «Этнополитические элиты союзных республик в 1920–1940-е годы: основные этапы формирования и механизмы функционирования номенклатуры», «Этносоциальные элиты союзных республик в 1950–1980-е годы: эволюция в иерархии власти».

Важным достижением этой части монографии является исследование динамики властных отношений на национальных окраинах СССР. При этом основные механизмы формирования политических элит оставались такими же, что в дореволюционное время – нормативно-правовое закрепление статуса (например, «Инструкция о формах согласования назначений и перемещений руководящих работников местных учреждений» от 1925 г., «Постановление о выдвижении рабочих в советский аппарат» от 1930 г. и др.).

В этой части исследования подробно рассмотрена политика коренизации, которая выражалась в назначении на руководящие должности представителей национальных меньшинств, создании национально-территориальных автономий, ведении делопроизводства и поощрении СМИ на национальных языках (продлившееся до конца 30-х гг. XX в.). Коренизация подразумевала и «формирование элементов управленческого аппарата кадрами, знающими язык, быт и психологию местного населения» (С. 302). Спецификой этой политики было то, что на фоне подготовки и привлечения национальных кадров осуществлялось массовое командирование в окраины руководителей из Центра.

Период репрессий 1937–1938 гг. охарактеризован в работе как наиболее опустошительный, когда пострадали высшие партийные и хозяйственные кадры в союзных республиках (номенклатурная революция).

Политическую элиту сталинской эпохи отличает готовность к выполнению любых партийных поручений, ограниченная квалификация, полная зависимость от верховного руководства, стремление Центра не допустить укрепления позиций элит на местах (С. 298), что объясняет частые кадровые перемещения на руководящих должностях.

По мнению авторов главы, относительная стабильность в кадровом вопросе наступила в послевоенный период, когда были приняты официальные номенклатуры должностей ЦК КП союзных республик. Особую научную значимость разделу придают данные о долях национальных кадров в номенклатуре партии в национальных республиках СССР, представленные в динамике.

После смерти И.В. Сталина изменения в статусе этноэлит выражались в том, что на фоне возрастания экономической самостоятельности союзных республик осуществлялось привлечение национальных представителей в центральные органы власти (по терминологии авторов – «институциональный плюрализм»). С другой стороны, отмечено, что «именно в это время происходит политизация партийно-государственной номенклатуры, превращение ее из чиновников, обеспечивающих жизнеспособность системы, во влиятельную политическую силу» (С. 345). Наиболее ярко этот феномен

проявился в национальных республиках, где завершилось формирование региональной номенклатуры.

В целом, к началу 80-х гг. XX в. в СССР сложилась многоуровневая иерархия партийно-государственного аппарата с сильным центром и сильными периферийными (на уровне республик) звеньями. Материалы этой части монографии позволяют сформировать представление о номенклатуре как универсальной кадровой системе, объединившей все уровни иерархической и территориальной организации власти в многонациональном советском государстве. Очевидно, что номенклатура является изобретением советской партийной системы и не имела аналогов в дореволюционной России. При этом нобилитация как форма закрепления в нормативно-правовых актах социально-политических привилегий национальных элит на российских окраинах в том или ином виде существовала во все времена.

Вместе с тем, основной материал практически всех глав монографии создает впечатление однородности и консенсуса этнических элит, которые включались в политико-правовое пространство России. Само по себе это не может вызывать возражений, поскольку отражает реальные исторические результаты каждого из этапов развития изучаемого явления. Давно было замечено, что история есть рассказ о том, что людям удалось сделать, а не о том, в чем они потерпели поражение. Все же полагаем, что более полное представление в работе данных об оппозиции части этнических элит этому процессу, контрэлитам, неформальным элитам и их деятельности в переходные исторические периоды обогатило бы интерпретацию проблемы. Так, опыт советского периода демонстрирует своего рода историческую диалектику – достижение высокой степени интеграции этнических элит в партийно-государственную иерархию обернулось в условиях общего кризиса системы обернулось одним из факторов демонтажа союзного государства.

В заключении монографии дается глубокое обобщение проанализированного в монографии исторического опыта. Отмечается, что «власть при организации управления опиралась и полагалась не на абстрактные «народы», а на местные элиты, сначала традиционные привилегированные слои – аристократию, родоплеменную верхушку, иногда духовенство, затем на буржуазию и представляющие общественно-политические структуры (партии), а в XX в. – на советскую многонациональную, партийно-государственную номенклатуру» (С. 372). Все это очень тонко и точно характеризует динамику элитарности в исторической ретроспективе. В ее основе принцип сохранения некоторых старых социальных привилегий и предоставление новых льгот. Весьма глубоким представляется и вывод, согласно которому цель российского государства – «через провинциальные органы управления и посредством многообразных милостей осуществлялось «удаленное присутствие» монарха на всем пространстве огромного государства» (С. 373). Справедливо и обобщение, что российское дворянство представляло собой этнически открытое сословие, на вхождение в которое мог рассчитывать практически любой представитель нерусской элиты.

В приложении приведены справочные материалы по следующим тематическим рубрикам: Остзейцы (Э.П. Федосова), Кавказцы (к.и.н. Дж.Я. Рахаев), «Казахские ханы и султаны в системе управления Российской империи в XVIII – XIX вв.» (д.и.н. Н.Е. Бекмаханова), «Высшая партийно-государственная элита союзных республик СССР» (Д.А. Аманжолова). В них представлены биографии и послужные списки наиболее известных представителей этнических элит на российской службе (карьера, награды и почетные звания).

В целом, авторы коллективной монографии проанализировали механизмы инкорпорации представителей этнической элиты в политико-правовое пространство России, выявили и охарактеризовали основные социальные лифты и формы политико-правовой социализации региональных элит в новых условиях. Результаты исследования позволяют получить системное и обобщенное представление основных механизмов интеграции региональных этнических элит в политико-правовое пространство России на различных этапах исторического процесса. Они включают в себя:

- установление российских (или советских) административных и судебных органов на присоединяемых территориях;
- включение элит в деятельность этих учреждений;
- нормативное регулирование Россией социально-правового статуса региональных элит.

Таким образом, вниманию читателя представлено монографическое исследование, в котором комплекс политологических и социологических концептов по изучению элиты применяется к конкретному историческому материалу. Особенно ценно то, что сделан шаг к историческому синтезу в изучении форм этнического взаимодействия, особенностей и закономерностей внутренней политики многонационального российского государства, поскольку осуществлен сквозной анализ проблемы на протяжении длительного периода. Предложенной в монографии схеме можно придерживаться при исследовании аналогичных процессов и явлений и в других регионах страны (Средней Азии и Казахстана, Оренбуржья, Сибири и Дальнего Востока). Данное же исследование дает возможность представить этническую политику России на национальных окраинах как комплекс последовательных мероприятий, направленных на поиски наиболее оптимальных форм партнерства элит центра и периферии и повышение качества управления регионами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Национальные окраины 1998 – *Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления* / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. – М.: Славянский диалог, 1998. – 416 с.

Образы регионов 2011 – *Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII-XIX вв.)* / Отв. ред. В.В. Трепавлов. – Тула: Гриф и К, 2011. – 352 с.

Российская многонациональная 2003 – *Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия* / Отв. ред. В.В. Трепавлов. – М.: Наука, 2003. – 378 с.

Этнические элиты 2017 – *Этнические элиты* в национальной политике России / Отв. ред. В.В. Трепавлов; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 477 с.

REFERENCES

Etnicheskie elity v natsional'noi politike Rossii [Ethnic elites in the national policies of Russia] / Ed. by V.V. Trepavlov; Ins-t Russian history of RAN. – М.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017. – 477 p. (In Russian)

Natsional'nye okrainy Rossiiskoi imperii. Stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya [National peripheries of Russia. The making of the system of government] / Ed. by S.G. Agadzhanov, V.V. Trepavlov. – М.: Slavyanskii dialog, 1998. – 416 p. (In Russian)

Obrazy regionov v obshchestvennom soznanii i kul'ture Rossii (XVII-XIX vv.) [Images of the regions in the public consciousness and in the culture of Russia (17th-19th centuries)] / Ed. by V.V. Trepavlov. – Tula: Grif i K, 2011. – 352 p. (In Russian)

Rossiiskaya mnogonatsional'naya tsivilizatsiya: Edinstvo i protivorechiya [Russian multinational civilization: Unity and contradictions] / Ed. by V.V. Trepavlov. – М.: Nauka, 2003. – 378 p. (In Russian)